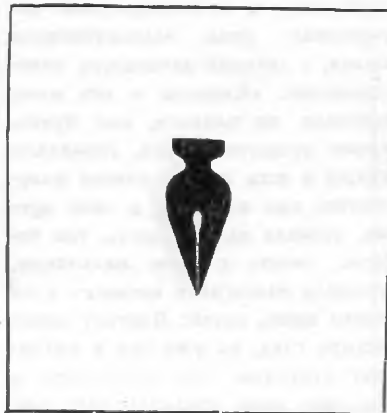

М. А. МУХАММЕД-АЛИ

Многие современные лингвисты считают слова призыва и отгона животных междометиями. Исследуя специфику этих слов, А. И. Германович пришел к выводу: «слова-сигналы, направляемые к животным, должны быть отнесены к группе императивных (повелительных) междометий, которые исторически развивались путем переходности из других частей речи» [1, стр. 307]. «Особую рубрику в этой группе (в группе повелительных междометий. — М.-А.), — пишет Е. М. Галкина-Федорук, — составляют междометия, выражающие зов, адресованный к тем или иным домашним животным» [2, стр. 242]. Г. В. Дагуров считает эти слова звательной формой и не относит их к междометиям [3].

Интересно отметить, что Н. В. Касаткин считает слова призыва и отгона животных междометиями, отмечая, что «эти комплексы не лишены номинативного значения». «Они обозначают само животное», — пишет он [4, стр. 144]. Он видит в них выражение эмоций человека.

Акад. Л. В. Щерба оставляет этот вопрос открытым. Он пишет: «Едва ли следует относить сюда (в категорию междометий. — М.-А.) обращения и считать звательный падеж (в русском лишь интонационная форма) междометной формой существительных, хотя некоторые основания к тому и имеются» [5, стр. 67].

Лингвисты, которые считают слова, обращенные к животным, междометиями, сами утверждают, что многие эти междометия имеют связь с названием животных. А. И. Германович в указанной работе приводит слова бар, бор, бер как самые распространенные, почти повсеместно известные слова призыва и отгона овцы, и дает корни, от которых образовалась эта звательная форма: баран, боров, боровчак, боровчаниха, боровятина, барануха, баранок, барашек.

Хотя семантическая природа слов, с которыми обращаются к животным, и проста, но еще не установлены существенные различия между ними и междометиями, если не считать отдельных замечаний акад. Л. В. Щербы и

СЛОВА ПРИЗЫВА ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ МЕСТО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Г. В. Дагурова. По способам образования эти слова также коренным образом отличаются от междометий. Исследование этих вопросов и является задачей данной работы.

Областные словари и словари русских народных говоров дают нам очень богатый материал для исследования слов призыва и отгона животных, так как эти слова чисто бытовые. Возьмем, например, некоторые слова призыва овец¹: баж-баж (вятское), сравните: бажка — 'овца' или 'баран' в том же районе; бали-бали-бали (пермское), сравните: балия (пермское, вологодское) — 'ягненок', 'овечка', 'овца' и др.

Рассматривая слова призыва овец в разных районах, мы убеждаемся в том, что слова призыва овец — или повторение названия овцы, или формы звательного падежа существительного, или усеченные формы названия овцы и его варианты.

Мы имеем право распространить принцип образования слов — призывов овец — на все слова призыва животных, так как способ их образования обусловлен представлением о животном, к которому обращена речь. Поэтому тесная связь между названием животного и словами его призыва

¹ Слова призыва овец в данной работе мы берем из Словаря русских народных говоров [6], Псковского областного словаря [7] и Толкового словаря живого великорусского языка [8].

вполне естественна. Сравните слова призыва собаки: куть-куть, кутю-кутю, кутют-кутют, тют-тют, тют-тют-тют, цү-цү-цү, которые образовались как усеченные формы распространенных в диалектах названий собаки, например: кутенок, кутя (восточное) — 'щенок'; 'собачка' [8, т. II, стр. 277], слова призыва кошки: кис-кис, коть-коть; кур: кур-кур, цып-цып, голубей: гуль-гуль, гуля-гуля, гуленьки-гули (гуля, гулька — 'голубь') и т. п.

В настоящее время образуется очень много слов призыва птиц по образцу звательного падежа существительного.

Встречаются и призывные формы, настолько изменившиеся в фонетическом составе, что их связь с названием животного или птицы почти утрачена и установить ее очень трудно, как, например: те-те-те, ти-ти-ти, тега-тега (призыв цыплят), бр-бр, бра-бра-бра, брь-брь, бря-бря (призыв овец и ягнят) и др. Эти формы сближаются с междометиями только по своему фонетическому составу.

Некоторые лингвисты относят слова призыва животных к ряду императивных междометий. А. И. Германович и Е. М. Галкина-Федорук, не касаясь семантической природы интересующей нас группы слов, приступают сразу к объяснению их этимологии. Они не отвечают с полной ясностью на вопрос, почему эти слова причисляются к междометиям. По всей вероятности, А. И. Германович считает достаточными отмеченные им основания «для объединения эмоциональных и императивных междометий» [1, стр. 307]. По его мнению, слова призыва животных, как и другие междометия:

а) лишены номинативного значения; это не слова-названия, а слова-отношения, своеобразные побудители;

б) формируются они в основном одинаково — путем перехода из знаменательных частей речи, в том числе иногда из слов

заимствованных, хотя пути этой переходности не всегда совпадают;

в) эмоциональные и императивные междометия не имеют обычных форм словообразования и словоизменения;

г) как эмоциональные, так и императивные междометия имеют общее в грамматике — повторы (ай-ай-ай, цып-цып-цып), хотя цели этих повторов различны;

д) как эмоциональные, так и императивные междометия иногда выходят за рамки фонетического строя языка (ср.: тьфу, бррр, тпру, фью);

е) и главное — императивные междометия содержат и элементы эмоциональности, вместе с побуждением выражают и отношение к окружающему» [9, стр. 37].

Не все слова призыва животных лишены номинативного значения, скорее можно сказать, что большинство их с номинативным значением. Сам А. И. Германович во многих местах своей работы указывает на тесную связь между словами призыва животных и названием животного. Однако есть большая группа слов призыва, которые по своей форме сближаются с междометиями, как-то: те-те-те, ти-ти-ти, бра-бра-бра, ечк-ечк, ечи-ечи, ря-ря и др. Но эти слова вызывают образное представление у говорящего и слушающего о самом животном, чего не найдем в междометиях.

Трудно согласиться и с тем, что слова призыва животных и междометия формируются «в основном одинаково». Если некоторые междометия перешли из знаменательных частей речи, то они получили совсем иную функцию: утратили предметное значение и стали только средством проявления душевного состояния говорящего. Наоборот, слова призыва животных сохраняют свое предметное значение; кроме того, они приобретают еще новую функцию (функцию призыва). Например:

— Баши, баши, баши, да гони их ты на двор [6, стр. 163].

Кроме призыва овец, слова баши-баши-баши и др. называют само животное. Указывает на это личное местоимение их в приведенном примере.

В Словаре русских народных говоров дается такой интересный пример: «Овец как зовут? Баря-баря?» [6, стр. 126]. Значит, слова призыва могут быть ответом на такие вопросы: Как он (она) зовет овец? Как у вас зовут уток (цыплят, гусей и т. п.)? и т. д. Междометия же не могут быть ответом на определенный вопрос, т. е. невозможно спросить: Как он выражает свой гнев или ужас?

Как он выражает свою радость? Это потому, что междометия лишены номинативного значения, а слова призыва имеют его.

В заключение можно сказать, что слова призыва животных:

1) не лишены номинативного значения. Они тесно связаны с названием животного;

2) не выражают эмоций, т. е. это слова представления, а не чувствования, так как они дают образное представление о самом животном;

3) получают эмоциональную выразительность повторением слова-призыва, уменьшительно-ласкательными суффиксами, звательной интонацией;

4) обладают, в основном, однообразной интонацией — звательной интонацией с уменьшительно-ласкательным оттенком;

5) имеют много общего со словами — обращениями к людям² (имеют усеченные формы, уменьшительно-ласкательные суффиксы, некоторую грамматическую связь между ними и членами предложения, вызывают представление о том животном, к которому обращена речь, имеют конкретное значение, не являются членами предложения);

6) могут принимать переносное значение.

² См. работу Г. В. Дагурова [3, стр. 5].

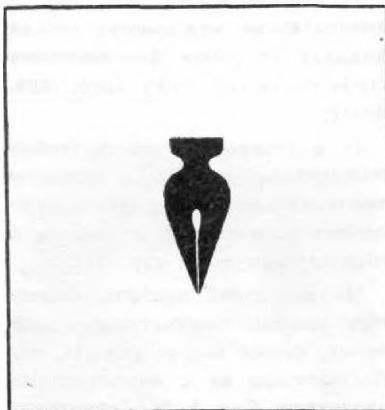
Литература

1. Германович А. И. Слова клича и отгона животных в русском языке. «Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе». Т. XIX. 1954. — 2. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный

русский язык. М., 1964. — 3. Дагуров Г. В. Междометия как особый разряд слов. Автореф. канд. дисс. М., 1961. — 4. Касаткин Н. В. Смысл междометий. «Ученые записки Томского педагогического института». Т. XI. 1954. — 5. Шерба Л. В. О частях речи в русском языке. В сб.: Л. В. Шерба. Избранные работы по русскому языку. М.,

1957. — 6. Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Сороколетова и Ф. П. Филина. В. 2. М.—Л., 1966. — 7. Псковский областной словарь. В. I. Л., 1967. — 8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. — 9. Германович А. И. Междометия русского языка. Киев, 1966.

Л. ГОРАЛИК

О РОЛИ ОМОНИМИИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Омонимию мы понимаем как особый вид асимметрии между планом выражения (внешней, например графической, формой или звуковой оболочкой) и планом содержания (значением, функцией), а именно как возможность употребления одной и той же единицы выражения в двух или более функциях данного плана языка.

На вопрос, положительна или отрицательна роль омонимии в языке, нельзя дать однозначный ответ. Если исходить из лексической омонимии, которая начиная с первых десятилетий XX века стояла в центре научного внимания, то долгое время, в частности в западно-европейской лингвистике, господствовала ее отрицательная оценка. Как известно, Жильерон и его последователи считали омонимию пороком, досадным недостатком языка, а омонимы (лексические) — «большими словами», препятствующими коммуникации и предназначенными поэтому к по-

степенному отмиранию. Такая оценка, представляющая собой крайнюю точку зрения, на наш взгляд, несправедлива. И сам язык в своем повседневном функционировании ее опровергает:

омонимы в языке были, есть и, несомненно, будут.

Несостоятельна также противоположная точка зрения, преувеличивающая положительную роль омонимии: широкое распространение в каком-либо языке омонимии может повлечь за собой нарушение процесса общения. Итак, истину о роли омонимии в процессе коммуникации приходится искать где-то между этими крайними точками зрения.

В языке, как известно, не все логично. Идеальный с точки зрения логики принцип, по которому в языке одно означающее соответствовало бы всегда лишь одному означаемому, нарушается некоторыми явлениями, в том числе омонимией. Омонимия сама по себе действительно аномальна, асимметрична и как таковая принадлежит к периферии языка, поскольку она содержит в себе потенциальное замедление или же